

Первая нефть

Автор этих воспоминаний – легендарная личность. Людмила Алексеевна Кошил ь – первая и единственная в Советском Союзе женщина-бортмеханик в экипаже вертолета, девятикратная рекордсменка мира, обладательница многих золотых медалей... Работая в Нижневартовском авиаотряде, Людмила Алексеевна облетала на винтокрылой машине вдоль и поперек весь наш район. Ее знали и всегда с нетерпением ждали и в маленьких хантыйских поселках, и на буровых. На глазах Л.А. Кошил ь проходило становление и развитие нефтяной отрасли в нашем регионе. А многие события тех дней и сейчас стоят перед ее глазами...

Учебный год в школе заканчивался, занятия проходили только в выпускных классах. После консультации по математике Анна Степановна объявила: «Завтра всем классом едем на Баграс».

– Там будет митинг, поэтому все наденьте парадную школьную форму, а сверху пальто, чтобы не замерзнуть.

Ранним холодным утром школьники подошли к конторе экспедиции, там уже собралось много народу. Из разговора празднично одетых людей стало понятно, что все едут на митинг по поводу отправки первой баржи с нефтью.

Началась посадка на самоходку, заработал двигатель, и вскоре судно отчалило от берега.

В каюте одноклассники отогрелись и разговорились. Нас всех в тот момент волновала одна тема: куда пойти учиться. В Мегионе была только восьмилетняя школа и, чтобы продолжить образование, надо было обязательно куда-то уезжать. Сашка Рудольф категорично заявил:

– А я никуда не поеду. На промысел пойду – буду работать вместе с отцом. У нас семья большая, помогать надо.

– И я пойду на буровую к дяде Грише, сестра уже договорилась, – добавил Колька Геничев.

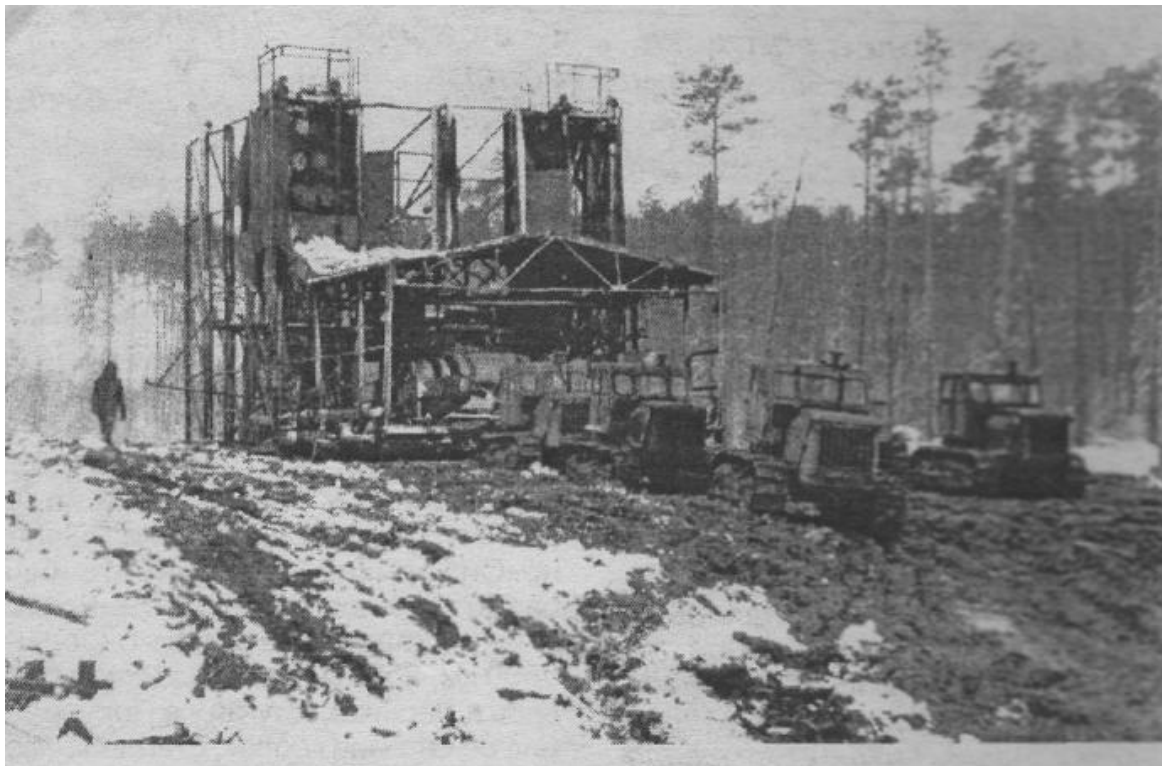
– Да, жалко, что нет десятилетки в Мегионе, придется ехать учиться в Нижневартовск. Отец хочет, чтобы я в Тюмень в нефтяной институт поступил, – поддержал разговор Валерка.

Через несколько лет многие из наших одноклассников станут знаменитыми нефтяниками, и на их счету будет не одно открытое месторождение. А сейчас мы просто мечтали и строили планы на будущее. В разговор вступали все, никто не хотел остаться в стороне при обсуждении такого вопроса. А я погрузилась в воспоминания. Нас с сестрой мать привезла на Баграс в августе 1959 года. Это был маленький поселок, всего несколько домов барачного типа. И рядом буровая. Мама была опытным фельдшером и нанялась работать в экспедицию. А поселок не мог жить без медика. Отец приехал позже, на двух больших лодках-наводниках с мотором. На одной лодке доставил корову Зорьку, а на другой – наши вещи. Путь был не близким – по трем рекам: Ваху, Оби, Баграсу. Все удивлялись: как один управился? Он устроился в бригаду Григория Ивановича Норкина верховым рабочим. Скважину начали бурить 19 сентября 1959 года. И если случались какие-то неполадки, то об этом сразу знали все жители.

Поселок жил жизнью буровой. А случалось там всякое.

В этот год осень выдалась холодной и ранней. Реку быстро сковал лед, и баржа, на которой везли буровое оборудование, вмерзла. Катер не смог дотянуть ее до берега, так она и осталась посередине реки. Работы на буровой могли встать из-за отсутствия долот. К нам домой пришел дядя Гриша Норкин, они о чем-то поговорили с отцом. На следующий день он запряг собаку Соболько в легкие маленькие нарты и по хрупкому льду пробрался к барже. Буровики вышли на берег и смотрели, как Алексей Жильцов загрузил одно долото в нарты, и собака, скользя лапами по льду, потянула их. Сам шел на расстоянии. Лед трещал, гнулся, но не ломался. И только у самого берега стал проваливаться. Отец, быстро перебирая ногами, выскочил на берег. Общий вздох облегчения вырвался у наблюдавших. Так он привозил по одному долоту,

пока лед не окреп, и все вывезли трактором. И буровая не встала. Для того чтобы буровая жила и работала, надо много раствора. И каким бы усталым ни приходил домой отец после ночной смены, поспит немного – снова идет таскать мешки с цементом для раствора, который они делали сами между сменами.

Весной, когда бурение уже подходило к концу, случилась авария – прихват бурового инструмента. А Григорий Иванович, как на грех, сломал в это время ногу. На костылях, в гипсе мастер не покидал буровой, пока она снова не заработала.

За упорный труд рано или поздно всегда придет вознаграждение. Солнечным мартовским утром в сопровождении нашей учительницы Нины Александровны Богатой мастер Норкин пришел в школу.

– Дети! Сегодня наша буровая дала нефть. Мы долго этого ждали. Я вас всех поздравляю, – просто сказал он, а лицо его светилось радостью.

Занятия по такому случаю отменили. Весь поселок уже собирался на буровой. Школьники тоже прибежали туда и увидели, как отцы Галки Липковской и Валерки Доминова мазали друг друга черной жидкостью.

Нефть вырывалась из трубы, положенной на перевернутую бочку. Все радовались. Это был настоящий праздник. Ликование продолжилось в клубе с баяном и шампанским, которое привез на самолете Ф.К. Салманов. А в Тюмень полетела радиограмма, извещавшая об открытии нефти:

«[Скважину Мегионскую-1] 19 марта простреляли [в] интервале 2175-2178 метров. 20 [марта] понизили уровень на глубину 480 м. 21-го в 13 часов дня после дополнительного тартания начался слабый перелив разгазированной технической воды, в 14 часов появилась нефть. Дебит нефти по записи в коллекторском журнале 21 марта составил 288 кубометров в сутки, то есть 1 бочка емкостью 200 литров заполнялась одну минуту. 23-го устье оборудовано фонтанной арматурой, сделан 2-дюймовый отвод длиной около 90 м от устья, на конце отвода установленный прибор, срабатывая, определяет нефть и газ, воды нет... Салманов, Савельев».

Вот почему я с радостью сейчас ехала на Баграс – мне нестерпимо захотелось увидеть родные берега и еще раз побегать по черемуховой гриве (где я была так счастлива).

Я вышла на палубу, самоходка шла быстро, разрезая носом высокую волну. Обогнули

мыс, и все увидели на берегу, где раньше стояла буровая, серебристый резервуар. Люди, ехавшие на митинг, замахали руками и закричали капитану:

– Вон туда правь. Там все будет проходить.

К берегу было пришвартовано много катеров, и среди всех выделялся белый красавец «Мегион», на котором ездило начальство экспедиции.

У временного причала стояла баржа, соединенная с резервуаром длинным шлангом. Славка Гузь со знанием дела закричал:

– Смотрите, наливнушка стоит, нефть закачивают.

– Откуда знаешь?

– А у нее на бортах написано «огнеопасно».

Все дружно по трапу сошли на сушу. Мы стояли стайкой, дул холодный ветер. С высокого берега было хорошо видно, как возле наливнушки разрезали красную ленточку. А Григорий Иванович Норкин в своей неизменной фуражке открывал нефтяную задвижку им же пробуренной скважины.

И вот баржа, буксируемая катером «Ползунов», отчалила от берега.

На трибуну стали подниматься участники митинга. Оно была сколочена из досок и украшена красными лозунгами. Один мне особенно понравился своей динамичностью: «Даешь нефть!». А наша классная руководительница сокрушалась:

– Эх, цветы бы вручить.

– Так давайте черемухи наломаем, вон ее сколько здесь, – быстро предложила я.

Увидев одобряющий кивок учительницы, мы наломали букеты распускающейся черемухи и приготовились.

На трибуне стояло много приглашенных и почетных людей, среди них я сразу отличила и узнала Ф.К. Салманова, В.А.Абазарова, Г.И. Норкина, остальных я еще тогда не знала.

– А вон папка мой стоит, – сказал Сашка Рудольф.

– Где? Да вон, рядом с ним начальник промысла Арнапольский.

Оратор вышел вперед и произнес:

– Товарищи!

Все затихли. Митинг начался.

– Сегодня, 5 июня 1964 года в 12 часов закончен налив баржи нефтью самого восточного месторождения Тюменской области. Судно отправлено на Омский нефтеперерабатывающий завод.

Взрыв аплодисментов. – Ура, ура! – улыбающиеся радостные лица.

– Пора, – сказала Анна Степановна, и школьники побежали на трибуну.

Пошел густой снег. Я кинулась к дяде Грише, рядом с ним стоял седовласый мужчина в берете. Улыбаясь, пронзительно смотрел темными глазами, я прошла мимо и вручила цветы Норкину, не забыв при этом сказать: «Поздравляю». А Славка вручил букет тому незнакомцу.

Митинг продолжался, несмотря на плохую погоду. Было много выступающих. Вдруг народ оживился.

– Смотри: Эрвье, Эрвье. Говорить будет.

К краю трибуны подошел тот самый, в берете, незнакомец, резко выделявшийся своей интеллигентной внешностью, и заговорил без бумажки. Слышно было плохо, дул сильный ветер. Началась настоящая метель.

Из всего сказанного было понятно, что он всех благодарит и желает открытия новых месторождений.

Его пожелания исполнились ровно через год после этого митинга. Норкин открыл новое месторождение. Целый месяц — тридцать долгих дней – на двух тракторах восемь «норкинцев» пробивались к месту новой буровой (а находилась она на берегу озера Самотлор) – уж очень топкие болота окружали это озеро.

Когда ударил первый фонтан нефти на Самотлоре, в Тюмень Эрвье была отправлена радиограмма:

«[На] Р-1 Самотлора после дострела всей мощности пласта [в] интервале 1693-1736

получен фонтан безводной нефти визуальным суточным дебитом по затрубью через 2,5 дюйма, выход более 1000 кубометров. Абазаров, Синюткин».

Так начиналась первая нефть и так начиналась эксплуатация нефтяных месторождений Нижневартовского района.

Тогда наши родители были еще молодыми, а мы совсем юными.

Людмила КОШИЛЬ